

пического дискурса гибрид итальянского сонета с Онегинской строфой; оба генетических компонента приносят соответствующие жанровые и содержательные коннотации.

4. Чистота и однородность компонентов строфической формы не является предметом преимущественной заботы автора: два сонета из 48 имеют дополнительный, 15-й стих; один (французский) сонет отступает от итальянской доминанты; кроме 34 сонетов, представляющих базовую модель, Григорьев использует еще 12 моделей однократного и двукратного (дважды) употребления, чередуя их без видимой закономерности.

5. Среди ритмических доминант выделяются: универсальный, хотя и не полный альтернанс на стиховом, субстрофическом и строфическом уровнях, и почти абсолютная, за одним исключением, кода в виде двустишия смежной рифмовки в сонетном замке.

¹ Русский сонет. XVIII – начало XX века. М., 1983. С. 153. Здесь и далее страницы на это издание указываются непосредственно в тексте в круглых скобках.

² См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 6. М., 1973. С. 35-39. Замечательный анализ этого фрагмента дал М.М. Бахтин (Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / Изд. 4-е. М., 1979. С. 100-101).

Н. Л. Дмитриева (Санкт-Петербург)

ЛИРИЧЕСКОЕ VERSUS ЭПИЧЕСКОЕ: ОТ «ЛЕГЕНДЫ» («ЖИЛ НА СВЕТЕ РЫЦАРЬ БЕДНЫЙ...») ДО РОМАНСА ИЗ «СЦЕН ИЗ РЫЦАРСКИХ ВРЕМЕН» ПУШКИНА

В работе Е. А. Маймина, посвященной философским произведениям Пушкина, оказавшим влияние на Достоевского, на его «полифонический» роман, нет, конечно, стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...», но в определенном смысле оно могло бы там фигурировать, потому что, несомненно, оно отражает «высокий» взгляд художника на мир: здесь есть «отказ от прямого морализирования и однозначных, излишне категорических авторских решений»¹. К тому же известно, что без влияния образа «бедного рыцаря» возник такой персонаж, как князь Мышкин. Стихотворение Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» совершенно особенное. Е. А. Маймин очень верно и тонко охарактеризовал его стилистику, отметив, что в нем «много простодушия». «Много простодушия в характере героя, в самом тоне рассказа – как бы домашнем, безыскусственном. Но по глубине своей мысли рассказ очень се-

ръем»². Вот такая «безыскусственность», за которой таится глубокий «высокочеловеческий» (Е.А. Маймин) смысл, вероятно, и привлекла Достоевского (как привлекала и продолжает привлекать и других читателей). В романе «Идиот» стихотворение охарактеризовано как «странное», как «отрывок без начала и конца».

Странный отрывок без начала и конца – такое определение, несомненно, обусловлено тем фактом, что судьба создания, публикации, история текстологических исследований стихотворения оказалась очень непростой³. Когда Достоевский писал роман «Идиот», читающей публике известен был второй, более поздний и более короткий вариант стихотворения.

История создания стихотворения такова. В 1829 г. Пушкин послал Дельвигу для публикации в «Северных Цветах» на 1830 г. вместе с другими произведениями стихотворение, озаглавленное «Легенда». Рукопись была готова к печати – текст перебелен – но, может быть, из-за возможных цензурных затруднений (Пушкин подозревал о них и подписал «Легенду» псевдонимом «А. Заборский») публикация не состоялась. После смерти Дельвига (январь 1831 г.) рукопись осталась у его вдовы. 19 июля 1831 г. Пушкин писал своему приятелю, лицейскому однокашнику М. Л. Яковлеву: «у Дельвига находились две трагедии нашего Кюхли <...> и моя Баллада о Рыцаре влюбленном в Деву. Не может ли это все [она] Софья Михайловна оставить у тебя. Плетнев и я, мы бы постарались что-нибудь из этого сделать»⁴. По сообщению Яковлева, С. М. Дельвиг готова была отдать ему рукописи для передачи поэту (см. письмо М. Л. Яковлева Пушкину от 23 июля 1831 г.), но по каким-то причинам они до Пушкина не дошли. Во всяком случае, текст «Легенды», подготовленный для печати, поэт не получил. Поскольку рукопись не была возвращена, Пушкин, по всей видимости, еще раз перебелил оставшийся у него черновик 1829 г., внося в текст некоторую стилистическую правку. Так окончательно сложилась первая редакция стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...».

В 1834 или 1835 г., работая над драматическим произведением, известным под редакторским названием «<Сцены из рыцарских времен>», Пушкин вернулся к уже правленому тексту легенды о рыцаре (первой его редакции) и значительно изменил его, превратив стихотворение в песню, исполняемую главным героем. Текст был сокращен, поверх правки 1831 г. была внесена новая правка. Затем он переписал его набело в тетрадь, где находилась рукопись «Сцен из рыцарских времен» и были оставлены чистые страницы для записи переработанного стихотворения. Так сложилась вторая редакция стихотворения.

С 1837 по начало 1880-х гг. стихотворение было известно только во второй, более поздней редакции. Первым ее издателем был В. А. Жуковский, напечатавший текст в составе «Сцен» в «Современнике» (1837. Т.5). Затем в составе «Сцен» эта редакция вошла в посмертное собрание сочинений (Т.10. 1841). В 1860-е гг. в печать начинают проникать отдельные строфы первой редакции. Именно поэтому Достоевский знал строфу, сообщающую, какое видение поразило рыцаря: «Путешествуя в Женеву, / На дороге у креста / Видел он Марию Деву, / Матерь господа Христа».

В 1884 г. В. Е. Якушкин нашел два автографа стихотворения: ПД 846 (беловой автограф второй редакции) и ПД 838 лл. 78–79 об. (черновой первой редакции). В описании рукописей он привел сводку ранее оставшихся неизвестными строф III, VI, VII, XII, XIII, XIV. Долгое время, однако, исследователи не могли с уверенностью установить последовательность появления автографов. Высказывались предположения о существовании двух разных редакций стихотворения, но были и противники такой точки зрения. Подтверждением действительного существования двух редакций явился обнаруженный Л. Б. Модзалевским в конце 1927 г. в архиве Публичной библиотеки беловой автограф первой редакции, представляющий собой текст, предназначенный для печати самим Пушкиным. Он свидетельствовал о самостоятельном характере первой редакции стихотворения. Затем в начале 1928 г. в Пушкинский Дом поступили рукописи из Онегинского собрания, находившегося до этого в Париже, и стало возможным обратиться не к фотокопии, а к оригиналу автографа ПД 221. Изучение подлинника позволило Л. Б. Модзалевскому пересмотреть существовавший взгляд на автограф ПД 221. Модзалевский выстроил последовательность появления автографов. В 1934 г. С. М. Бонди иначе, чем это было сделано у Л. Б. Модзалевского, и более убедительно проследил хронологию появления автографов. Стала понятна картина создания двух редакций стихотворения.

Речь, однако, как представляется, должна идти не о двух редакциях одного стихотворения, а, по сути дела, о двух разных стихотворениях. Одно, написанное в 1829, предназначавшееся Пушкиным для печати под заголовком «Легенда», подвергшееся в 1831 г. дополнительной правке и тогда же обозначенное им как «баллада», представляет собой рассказ о любви средневекового рыцаря к Деве Марии. Эта баллада написана, несомненно, под влиянием собственных переживаний: воображение Пушкина обратилось к сюжету о полубившем Мадонну рыцаре, который, поклоняясь ей религиозно, обрел святость и благодать. Вне всякого сомнения, существует связь стихов о Святой Деве / Мадонне с драмати-

ческими мотивами духовной жизни самого поэта. 1828 – 1829 гг. – период серьезного внутреннего кризиса Пушкина: сложность отношений с правительством и цензурой, запутанные личные отношения, неудачное первое сватовство к Наталье Николаевне, на которую, как известно, Пушкин смотрел как на существо, посланное ему Небесами. Но этот лирический мотив передан через эпическую форму. Стихотворение Пушкина написано как имитация старо-французского миракля – апокрифического повествования о чуде, связанном с Девой Марией. Пушкин серьезно интересовался западноевропейским средневековьем – историей, литературой эпохи, институтом рыцарства. Об этом свидетельствуют книги из его библиотеки (Millot C.-F.-X. *Eléments de l'Histoire de la France, Clovis jusqu'à Louis XV*. Paris, 1806 ; (Основные факты истории Франции от Хлодвига до Людовика XV); Charpentier J.- P. *Essai sur l'histoire littéraire de Moyen Age*. Paris, 1833 (Очерки истории литературы средних веков), Hallam H. *L'Europe au moyen âge*. Paris; 1830 (Европа в средние века, перевод с английского на французский). Кроме того, в библиотеке Пушкина имеется пятитомное собрание старофранцузских фавлю (стихотворная новелла северной Франции) и романов (*Fabliaux, ou contes, fables et romans du XII-e et du XIII-e siècles, traduites ou extraits par Legrand d'Aussy*. Paris, 1829). Вероятно, Пушкин знал и сборник фавлю, и близких к ним повествовательных произведений, опубликованный в XVIII в. Этьеном де Барбазаном (*Fabliaux, et contes des poètes françois des XI, XIII, XIV et XV s. Tirés des meilleurs auteurs. Publié par Barbazan*. Paris, 1808). Кроме того, в пушкинской библиотеке сохранился сборник поздних обработок средневековых французских баллад и фавлю (*Les contes du gay sçavoir. Ballades, fabliaux et traductions du moyen âge, publié par Ferd. Langlé*. Paris, 1828), где Д. П. Якубович нашел легенду (именно так обозначен жанр автором сборника) «О юноше, который женился на госпоже Марии, Божьей Матери» («*Du jouvencel qui se maria à madame Marie Mère de Dieu*»), сюжетная линия которой во многом близка «Рыцарю». Некий юный паж, у которого нет дамы сердца, видит в церкви прекрасную мраморную статую святой Девы. До глубины души тронутый чудесным изображением, он преклоняет перед ним колени и клянется не иметь ни подруги, ни жены и быть верным только святой Деве. Юный паж уходит в поход, сражается с сарацинами. Вернувшись рыцарем, он забывает о своем обете и собирается жениться. Накануне свадьбы ему является Дева Мария и упрекает его в неверности. Юный рыцарь расстается с невестой, становится монахом и уходит в ту церковь, где он увидел поразившее его изображение Марии. Там он ждет, когда Мария

призовет его к себе. Эта легенда восходит к так называемому «Книдскому мифу»⁵. Но это – сюжетная линия.

Обратимся к жанровой стороне вопроса. В стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный...» мы находим основные характерные черты старо-французских апокрифических повествований о святых. Во-первых, это характерный зачин, так начинается большинство старо-французских фаблю – стихотворных новелл: «Жил на свете...» (вариант Пушкина – «Был на свете...»). Ср. с зачинами из сборника Барбазана :

Jadis avint c'uns Chevaliers
Preuz et cortois et beax parliers,
Ert saiges et bien entechiez,
S'ert si en proesce affchiez...

(Был некогда Рыцарь / Доблестный и учтивый и красноречивый, / Был он разумен и тверд в решеньях, / И был столь известен своей храбростью...)⁶;

Uns Chevaliers qui sanz reproche
Vesqui où pais son aage:
Moult le tenoient cil à sage
Qui de lui estoient acointe.

(Рыцарь без страха и упрека / Жил в краю: / Многие, кто его знал, / Считали его рассудительным.)⁷.

Далее: сама сюжетная линия апокрифов строится на том, что герой этих повествований – грешник, но поклоняется тому или иному святому. Когда в конце жизненного пути грешнику предстоит попасть в лапы дьявола, благодарный святой спасает своего верного раба, несмотря на его прегрешения. В сборнике Леграна из библиотеки Пушкина содержится значительное число мираклей, повествующих о Марии-заступнице, прощающей самые страшные прегрешения своим почитателям. «Рыцарями» Девы Марии в мираклях выступают, как правило, воры и развратники. В истории «О монахе, который был спасен благодаря заступничеству Девы Марии» (здесь монах не является собственно «рыцарем», почитателем Марии, тем не менее, она помогает и ему), действует монах-развратник, добросовестно молившийся апостолу Петру. Когда монах умер, «сбежались обрадованные дьяволы, чтобы схватить его душу» («Les diables accoururent tout joyeux pour saisir son âme») – ср. у Пушкина: «Дух лукавый подоспел, / Душу рыцаря сбирался / Бес тащить уж в свой предел». Петр бросился искать помощи у Бога, однако Бог не согласился пустить монаха в царство Божие. Тогда Петр обращается к Богородице. Она идет к сыну, и тот, кто сам наказал: «Чти отца и мать», не может ей отказать: «Впускайте сюда, кого захотите». Петр

кинулся спасти своего протеже, душу которого уже схватили лукавые духи («les malins esprits»). Ср. с пушкинским бесом – «духом лукавым».

Все это есть в пушкинском стихотворении: рыцарь грешен, потому что не молился ни Отцу, ни Сыну, ни Святому духу, не соблюдал поста, да еще и, как говорит об этом бес, явившийся за душой грешника, «волочился Он за матушкой Христа». Но все заканчивается благополучно: «пречистая сердечно / Заступилась за него / И впустила в царство вечно / Паладина своего». Как отметил Е. А. Маймин, здесь много «простодушного» – действительно, все это рассказано очень «простодушно», потому что этого требует жанр. Фаблю и миракли рассказываются простым языком, буднично, без прикрас. К тому же, как правило, в этих как будто нехитрых повествованиях звучит некоторая насмешливость, ирония. У Пушкина это тоже присутствует: рассказ о претензиях, высказанных бесом, передан в ироническом ключе. Но, конечно, пушкинское стихотворение – не образец фаблю в чистом виде: за, казалось бы, непритязательным рассказом стоят «высокие нравственные понятия», «высокая философия»⁸, высокое чувство самого поэта.

Пушкин не смог опубликовать стихотворения. Но, как известно, ничто не пропадало из его «поэтического хозяйства». Когда в 1834 или 1835 г. он писал драматические сцены на тему средневековья, он вспомнил о тексте легенды/баллады. Однако он не просто взял готовый текст повествования о жизненном пути рыцаря-крестоносца, поклонявшегося Деве Марии. Ему нужен был поэтический текст иного жанра – романс. И из лироэпического произведения он создает чисто лирическое. Он убирает треть четверостишия, прямо повествующее о том, как рыцарь был поражен видением девы Марии. Девиз, начертанный рыцарем на щите «Ave, Mater Dei» заменен инициалами «А.М.Д.». (Между прочим, в балладе о рыцаре было сказано проще: «написал».) И хотя можно понять, о ком идет речь (Пушкин оставляет эпитет, именующий в средневековье Марию – «Sancta Rosa»), предмет поклонения рыцаря не назван прямо, он как бы завуалирован. Может быть, речь идет о простой смертной, но в глазах рыцаря она обожествляется (это близко и к восприятию самого Пушкина (ср.: «Творец / Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, / Чистейшей прелести чистейший образец» – 1830). Четверостишия, где речь идет о грехах рыцаря, опущены. Здесь мотив грехопадения не актуален, потому не будет и притязаний лукавого, не будет и заступничества Святой Девы. Пушкин устраняет, так сказать, «божественные» мотивы: вместо «Полон верой и любовью» – «Полон чистою любовью»; вместо «Верен набожной мечте» – «Верен сладостной мечте». Предмет поклонения этого рыцаря – женщина, а не святая. Вообще в этом варианте

есть определенная недосказанность, потому стихотворение и казалось тому же Достоевскому «странным». Пожалуй, и рыцарь здесь другой, у него и характер несколько иной. Когда он сражается с мусульманами, он «дик и рьян». Этого нет в первом варианте. И конец у двух рыцарей – разный. Рыцарь из «Легенды» умер без причастья. Но это еще не конец, потому что там, за гробом, его, грешника, ждет угроза ада, но и избавление. А рыцарь из романа умер «как безумец», умер от неразделенной любви. Перед нами – романс, содержание которого переадресовано даме сердца. Франц, герой «Сцен», поет этот романс перед лицом той, из-за которой он вступил на путь, приведший его к гибели – под видом романса о любви рыцаря он говорит о своей любви к недоступной для него Клотильде.

¹ Маймин Е. А. Полифонический роман Достоевского и пушкинские традиции // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 315.

² Маймин Е. А. Пушкин. Жизнь и творчество. М., 1981. С. 119.

³ Наиболее полно она прослежена в статье Иезуитовой Р. В. «Легенда» // Стихотворения Пушкина 1820 – 1830 –х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974. С. 139 – 176.

⁴ Пушкин. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 14. С. 194.

⁵ См.: Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. Мюнхен, 1985.

⁶ *Fabliaux, et contes des poètes françois des XI, XIII, XIV et XV s.* Publié par Barbazan. Paris, 1808. Vol. 4. P. 393.

⁷ *Ibid.* Vol.3. P. 272.

⁸ Маймин Е. А. Пушкин. Жизнь и творчество. С. 119.

Е.В. Сашина (Псков)

ЭПИЧЕСКОЕ НАЧАЛО ПОЭЗИИ ШАРЛЯ ЛЕКОНТА ДЕ ЛИЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ «ВАРВАРСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ»)

В программном предисловии к первому изданию «Античных поэм» (1852) Ш. Леконт де Лиля (1818-1894) определил основную направленность своих творческих усилий: научность и «возрождение» старых форм, назвав свою книгу сборником исследований (*un recueil d'études*) и провозгласив «обдуманый возврат к формам, которыми пренебрегали или мало известным»¹.

Возвращение к старым формам вызвано, по мнению французского автора, необходимостью обновления поэзии в «эпоху литературного упадка»², поскольку «современная Поэзия – неясное отражение необу-

Псковский государственный университет

**Эпические жанры в литературном процессе
XVIII-XXI веков:
забытое и «второстепенное»**

**VII МАЙМИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
5-9 октября 2011 г.**

Том II

Псков
2011